

В. А. ДОЛЖИКОВ

«Сибирский» фактор в эволюции политических воззрений М. А. Бакунина (1857–1861)

В отечественной исторической литературе до настоящего времени действует тенденция, на которую ещё в 1926 г. обратил внимание М. Н. Покровский. «Назвать Бакунина великим революционером как-то не решаются, — писал он в юбилейной статье, посвященной 50-летию со дня смерти этого выдающегося русского политического деятеля и мыслителя, — а между тем это был один из величайших в Европе XIX столетия и безусловно самый крупный в России в до-ленинский период»*. Негативистский подход к освещению проблематики, связанной с М. А. Бакуниным, по сложившейся традиции оправдывался официальными советскими исследователями актуальностью борьбы против рецидивов анархизма. На самом же деле подобное отношение к «великому бунтарю» требовалось достойному преемнику самодержавия — тоталитарному сталинистскому режиму — для того, чтобы искоренить из общественной памяти привлекательный и яркий его образ. Правящая в России коммунистическая бюрократия всегда осознавала опасность идейного наследия М. А. Бакунина для антинациональной имперской государственной системы.

Можно и дальше дискутировать о мнимых или явных крайностях бакунинских политических воззрений. Но все более очевидной становится одна истина: последовательная и радикальная десталинизация самого метода их исследования пока не состоялась**. Колос-

---

* Покровский М. Н. Бакунин в русской революции // Михаил Бакунин: Незданные материалы и статьи. М., 1926. С. 179.

** Волков Г. Неистовый бунтарь // Коммунист. 1989. № 12. С. 83–93; Исаев А. К., Олейников Д. И. Бакунизм нуждается в более серьезном изучении // Вопросы истории. 1989. № 2. С. 118–126.

сальная роль М. А. Бакунина в отечественной и мировой истории по-прежнему сводится многими авторами к стереотипному ярлыку «апостола международного анархизма», либо, в так называемом перестроечном варианте, к фальшивому признанию его «заслуг» как основателя «коммунистической антиутопии». Поэтому целый ряд проблем, ключевых для понимания мировоззренческой эволюции М. А. Бакунина, как бы выпадает из инструментария российских историков. Одна из них — период четырехлетнего пребывания русского революционера № 1 в Сибири (1857–1861). В этом легко можно убедиться, ознакомившись с литературой последних лет. Так, в сравнительно недавних публикациях В. Г. Графского, С. Н. Канева, М. И. Михайлова и других советских авторов данной теме отводится буквально две-три строчки текста*. Цитирую книгу В. Графского как наиболее близкую по проблематике:

«В 1857 году Бакунина направляют (?) на вечное поселение в Сибирь, откуда ему через четыре года удастся бежать <...>**. И только.

По канонам традиционно марксистской концептуальной схемы, разработанной в 1920–1930-е годы В. П. Полонским и Ю. М. Стекловым, сибирский период в бакунинской биографии будто бы представляет собой некую «мрачную страницу», заполненную одними заблуждениями и ошибками. В. П. Полонский прямо доказывал, что в Сибирь М. А. Бакунин отправился морально сломленным, пережил здесь продолжительный идейный кризис и лишь благодаря бегству за границу смог восстановить свой былой потенциал. «<...> В Сибири, особенно в первые полтора года по выходе из крепости, — пишет данный автор, — он пребывал в состоянии какого-то душевного маразма (!), весь в плену жалкого обывательского малодушия». Позицию В. П. Полонского вполне разделял и Ю. М. Стеклов, который также считает сибирские годы Бакунина полосой мировоззренческой деградации и катастрофического сползания «вправо», в сторону пресловутого «буржуазного либерализма». Последнее казалось историкам-марксистам крайней чертой падения бакунинских политических взглядов***.

---

* *Графский В. Г.* Бакунин. Из истории политических идей. М., 1985. С. 16–17; *Канев С. И.* Революция и анархизм. М., 1987. С. 113; *Михайлов М. И.* мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма. М., 1988. С. 171.

** *Графский В. Г.* Бакунин. Из истории политических идей. М., 1985. С. 17.

*** *Полонский В. П.* Крепостные и сибирские годы Михаила Бакунина // Красная новь. 1921. № 3. С. 131, 133; *Стеклов Ю. М.* Комментарии к IV тому Собрания сочинений и писем М. А. Бакунина // Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. IV. С. 581; *Стеклов Ю. М.* М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность. М., 1926. Т. 1. С. 515–516.

Концепцию В. П. Полонского и Ю. М. Стеклова продолжает развивать с середины 1960-х годов Н. М. Пирумова, мнение которой считается весьма авторитетным. В своей последней по времени работе, посвященной специально «сибирскому» сюжету, биограф М. А. Бакунина предпринимает характерную попытку модернизовать тезис предшественников о «поправении» его в конце 1850 — начале 1860-х годов. Однако ее вывод относительно эволюции политических воззрений М. А. Бакунина в Сибири является совсем не бесспорным. «Идейная жизнь его замерла на уровне 1849 г., — утверждает исследовательница, не приводя сколько-нибудь весомых аргументов в пользу реалистичности такой оценки, — а все устремления были направлены на то, чтобы любой ценой освободиться из ссылки»*. Зададим все же вопрос уважаемому автору: а возможно ли подобное «замирание» вообще?

Диалектика мировоззренческой эволюции независимо от ее субъекта заключается, на мой взгляд, в том, что более или менее динамичное развитие политических взглядов у общественных деятелей, сопоставимых с М. А. Бакуниным, попросту неизбежно. Иное дело, в какую сторону? Либо действительно «вправо» — к реакционному консерватизму. Либо «влево» — к радикальному демократизму... Возможна и эволюция к «центру», т. е. в направлении либерализма. Могут быть, вероятно, и комбинации указанных вариантов идейно-теоретического развития. Другого не дано.

Я не разделяю ни точку зрения первых советских биографов М. А. Бакунина, ни модернизированный вариант прежней концепции, предлагаемый Н. М. Пирумовой. В качестве аргумента привожу известное всем исследователям этого направления свидетельство такого авторитетного для них современника М. А. Бакунина, как К. Маркс. Оно относится к тому времени, когда между обоими лидерами I-го Интернационала еще не возникло взаимное отчуждение. Примечательно, что в конце 1864 г. К. Маркс давал очень лестную оценку политическим воззрениям М. А. Бакунина первых послесибирских лет. «В общем это один из немногих людей, — говорится в письме К. Маркса к Ф. Энгельсу от 4 ноября 1864 г., — которые, по-моему, за эти шестнадцать лет (с 1848 г. — прим. авт. — В.Д.) не пошли назад, а наоборот развились дальше»**. В пользу объективности приводимой характеристики свидетельствует беспрецедентно активная роль М. А. Бакунина в истории общеевропейского рабочего движения 1860–1870-х годов, не говоря

---

* Пирумова Н. М. Бакунин в Сибири // Вопросы истории. 1986. № 9. С. 103, 114.

** Маркс К. Письмо к Ф. Энгельсу от 4 ноября 1864 г. из Лондона // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 13–14.

уже о признанном его лидерстве среди отечественных идеологов радикально-демократического народнического движения. Замечу особо, что цитировавшийся выше отзыв К. Маркса определенно фиксирует позитивные перемены в бакунинском мировоззрении, происшедшие с 1848 по 1864 г. Поэтому я считаю некорректной экстраполяцию отдельными авторами на сибирские годы жизни и деятельности М. А. Бакунина тех высказываний о нем К. Маркса и Ф. Энгельса, которые относятся к более позднему периоду 1871–1873 гг.*.

Зарубежному этапу бакунинской политической биографии, по традиции, уделяется в литературе непомерно большое значение. Но, замечу, все-таки российская, а не трансъевропейская действительность находилась в центре социально-политических интересов М. А. Бакунина. Она же была самым существенным фактором генезиса и эволюции его революционных взглядов. Причем не только в 1830-е годы, когда он находился в самой России.

Становление влиятельнейшего теоретика русского политического радикализма, несомненно, происходило не без воздействия на него национальной «почвы». А с учетом этого фактора значение сибирских лет в его мировоззренческой эволюции многократно возрастает. «В Сибири Бакунину впервые за всю его жизнь <...> — справедливо заметил в 1910 г. Б. И. Горев, — пришлось близко познакомиться с будничной, практической жизнью русской провинции»**. Ведь именно в Сибири после длительной эмиграции и восьмилетнего тюремного заточения он получил единственную (как позднее выяснилось) возможность напрямую соприкоснуться с «родной прозой жизни». Сам М. А. Бакунин не раз отмечал исключительную ценность подобного опыта. К примеру, после своего бегства из России он писал в декабре 1862 г. младшему брату Александру, жившему тогда во Флоренции: «Для тебя, мне кажется, было бы также хорошо хоть на время съездить в Россию, чтобы попробовать опять русской почвы»***. О насущной потребности в «беспрестанных свежих сношениях с живою, деятельною Россиею» М. А. Бакунин пишет к Н. С. Корсаковой в мае того же года, подчеркивая, что без таких контактов «выдыхается»****. Наконец, вспоминая о своей «сибириаде»

---

* Дулов А. В. К. Маркс и Ф. Энгельс о Сибири 50–60-х гг. XIX в. // Записки Иркутского краеведческого музея. Иркутск, 1965. Т. 1. С. 8–21.

** Горев Б. И. М. А. Бакунин, Его жизнь, деятельность и учение. М., 1919. С. 111.

*** ЦГАОР. Ф. 95, III-е Отд. Оп. 1. Д. 63. Л. 67–67об. (Письмо М. А. Бакунина к брату от 18 декабря 1862 г. из Лондона. Копия.)

**** Бакунин М. А. Письмо к Н. С. Корсаковой-Бакуниной от 9 мая 1862 г. из Лондона // Былое. 1925. № 3. С. 39–40.

в письме к С. Г. Нечаеву от 2 июня 1870. г., М. А. Бакунин признается, что другой России, кроме сибирской, по-настоящему не знал. «Итак, в продолжении 30 лет я прожил всего 4 года (9 лет тому назад), от 57 до 61 на свободе в России, т. е. в Сибири, — оценивал он познавательный смысл общения с отечественной “почвой”. — Это, разумеется, дало мне возможность ближе познакомиться с русским народом, с мужиками, с мещанами и с купечеством, и то специально сибирским <...>»*. Новая (в сравнении с 1848–1849 гг.) бакунинская политическая программа, ориентированная на применение в общероссийском масштабе, тем не менее разрабатывалась в Сибири на базе регионального фактического материала. «<...> Эта программа, — так разъяснял М. А. Бакунин в своем воззвании “К русским революционерам” 1872 г., — не есть выдуманная нами форма, к которой мы хотим приноровить действия народа, — это есть результат изучения народа, народных инстинктов и идеалов»**.

Игнорирование исследователями роли «сибирского» фактора в эволюции бакунинских политических взглядов препятствует научной разработке многих нужных проблем. Вот и авторы вводной статьи к хрестоматии «Утопический социализм в России» А. Володин и Б. Шахматов, характеризуя программные установки М. А. Бакунина, недоумевают, с какой, мол, стати он, будучи атеистом, считал старообрядцев одной из главных движущих сил ожидавшейся в 1860–1870-х годах народной антикрепостнической революции в России?*** Хотя следовало бы знать, что настроения русских протестантов-старообрядцев («раскольников» и «сектантов», по царистско-сталинистской терминологии) М. А. Бакунину были хорошо известны не понаслышке. В конце 1850-х годов он целенаправленно изучал старообрядчество на примере закрепощенных императорским Кабинетом русских крестьян Алтая, в массе своей исповедующих народное, а не казенное, православие****.

Уникальность жизненного опыта сибирских лет для М. А. Бакунина состояла еще и в том, что пришлось они на переломный период первого в истории Российской империи настоящего политического кризиса. Почему же до сей поры не заинтересовало исследователей

---

* Бакунин М. А. Письмо к С. Г. Нечаеву от 2 июня 1870 г. // Бакунин М. А. Философия. Социология. Политика. М., 1989. С. 528–529.

** Бакунин М. А. Речи и воззвания. СПб., 1906. С. 280–281.

*** Володин А., Шахматов Б. Утопический социализм в России // Утопический социализм в России: Хрестоматия. М., 1985. С. 71.

**** Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. IV. С. 317; Беликов Д. Н. Томский раскол: Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы. Томск, 1901. С. 1, 7, 28.

столь знаменательное совпадение? Думаю, потому, что если принимать во внимание данное обстоятельство всерьез, то могут рухнуть многие мифы старой негативистской концепции, исключаяющей М. А. Бакунина из числа главных действующих лиц этой исторической эпохи.

А ведь лично для него всероссийский структурный кризис, углублявшийся с 1856 г., означал многое. После долгой тюремной изоляции жизнь М. А. Бакунина опять обрела свою значимость. На него, как и на других общественных деятелей России, безусловно, воздействовал событийный фон эпохи 1857–1863 годов: резкое обострение аграрно-крестьянского вопроса, заметный подъем демократического, либерального и национального освободительного движений, растущая популярность в русском обществе зарубежной эмигрантской печати и подцензурной обличительной публицистики авторов «Отечественных записок», «Русского вестника» и «Современника», так называемые трезвенные бунты целых губерний, усиливающееся после Крымской катастрофы брожение в армии и т. п. «<...> При таких условиях самый осторожный и трезвый политик, — писал позже лидер большевиков об этом историческом периоде, — должен был признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание — опасностью весьма серьезной»*. М. А. Бакунин же тем более верил в такую развязку конфликта. Ему, как известно, не была свойственна филистерская осторожность в политических прогнозах. «Можно оспаривать право на революцию в разных странах, — подчеркивал он еще в 1850 г., — но в России это право не вызывает ни малейшего сомнения». Антикрепостническая народная революция казалась ему и тогда неизбежной вследствие множества трудноразрешимых для царизма межклассовых и межнациональных противоречий. «Ничто не может отвратить ее: рано или поздно она прорвется, — доказывал М. А. Бакунин, — чем позднее, тем разрушительнее»**. Однако теоретик русского «анархизма», которому зачастую приписывают апологию стихийного крестьянского бунта, видел наиболее приемлемый для России вариант плодотворного освободительного процесса в дворянско-буржуазной революции «сверху». Он с известным оптимизмом отмечал, что в русском обществе «образовалось довольно значительное количество просвещенных людей разных возрастов, принадлежащих к дворянству и к буржуазии, которые нетерпеливо и даже со стыдом выносят отвратительный гнет и не только будут с радостью приветствовать всякую перемену,

* Ленин В. И. Гонители земства и аннибалы либерализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 29–30.

** Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. М., 1935. Т. IV. С. 225, 234.

всякий шаг к освобождению, но и примут в последнем деятельное участие»*. При этом М. А. Бакунин ссылался на прецедент подавленного восстания дворян-декабристов в 1825 г. Подобную точку зрения разделяли в начале 1850-х годов и некоторые другие деятели российского и международного революционного движений. Так, Ф. Энгельс в одном из писем к И. Вейдемейеру¹ 1853 г. признавал, что «дворянско-буржуазная революция в Петербурге с последующей гражданской войной внутри страны вполне возможна»**.

Осмысливая главные тенденции и противоречия переломного периода 1850–1860-х годов, М. А. Бакунин существенно скорректировал свои политические установки. Давая позже оценку собственным идейным исканиям той поры, он подчеркивал: «это было время *компромиссов*»*** (курсив автора. — *В. Д.*). М. А. Бакунин теоретически прорабатывал возможные альтернативы политического развития России с учетом реалий «александровской оттепели». Заметив, что среди декабристов и петрашевцев, находившихся одновременно с ним в Сибири, многие тяготеют к либерализму, к легальным формам борьбы против крепостнической реакции, он формулирует программу «общества для спасения России от близорукости царской и от министерского шарлатанства». Компромиссной общей целью такого гласно действующего альянса должен был стать, по его замыслу, созыв «Земского всенародного Собора»****. В европейской России, куда М. А. Бакунин рассчитывал перебраться в 1860 г., он пытался найти поддержку этой перспективной и реалистической идеи у деятелей дворянского либерального движения П. В. Анненкова, К. Д. Кавелина, М. Н. Каткова, И. С. Тургенева и др. Бакунинский проект был также сориентирован и на радикально-либеральную группировку А. М. Унковского, в которую входили родные братья «великого бунтаря» А. А. Бакунин и П. А. Бакунин. К тому времени у него имелись налаженные связи и с демократами, близкими к Н. Г. Чернышевскому и Н. А. Добролюбову.

Для более четкого понимания этой малоизвестной среди исследователей идеи большую ценность представляет рукописное бакунинское воззвание 1861 г. «Великорусс», выявленное мной в личном фонде*****

* Там же. С. 227–228.

** Энгельс Ф. Письмо к И. Вейдемейеру от 11 марта 1853 г. // Маркс К. Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 28. С. 487.

*** Бакунин М. А. Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву. СПб., 1906. С. 282.

**** Бакунин М. А. 1) Народное Дело: Романов, Пугачёв или Пестель? // Бакунин М. А. Избранные сочинения. М., 1920. Т. III. С. 88; 2) Собр. соч. и писем. Т. IV. С. 309.

***** ЦГАОР. Ф. 945. Долгоруков В. А. Оп. 1. Д. 111. Л. 1–12об. («Клерикальная партия в Польше» и «Великорусс» — статьи неустановленного автора.)

самого компетентного лица тогдашней бюрократической иерархии, шефа корпуса жандармов и III-го Отделения В. А. Долгорукова². Следует указать на дискуссионный характер моей находки, потому что в исторической литературе авторство данного воззвания (прокламации) обычно идентифицируется с другими общественными деятелями*. М. А. Бакунина, по укоренившемуся ритуалу, заведомо исключают из круга гипотетических авторов «Великорусса».

По описи долгоруковского фонда этот любопытный документ числится одним из двух сочинений, написанных «неустановленным лицом». Но его авторскую принадлежность вполне можно определить как раз по второму документу — статье-воззванию «Клерикальная партия в Польше», подписанной известным литературным псевдонимом М. А. Бакунина «Элизар» («Элиасар»)** . Идейное содержание, и специфические особенности лексики обеих рукописей тоже идентифицируются с бакунинской публицистикой.

Ближайшую задачу всероссийского освободительного процесса автор «Великорусса» видел в сплочении всех антикрепостнических общественных сил страны. Основой согласия либералов и демократов М. А. Бакунин считал «возможно-полное и разумное осуществление идеи права, верное применение юридических начал ко всем случаям обыденной жизни»***. Он четко выделяет общность политических интересов будущего либерально-демократического движения в России, которая заключается в «устранении произвольного управления, в замене его законностью»****. Указывая на растущий потенциал стихийного народного протеста, автор воззвания отмечал, что «правительство ничего не в силах понимать, оно глупо и невежественно, оно ведет Россию к пугачевщине». Поэтому М. А. Бакунин предлагал «образованным классам взять в свои руки ведение дел из рук неспособного правительства, чтобы спасти народ от истязаний <...>» По существу, он подталкивал русских либералов и радикалов к ликвидации самодержавного деспотизма «сверху». Если же этого сделать не удастся, предупреждал М. А. Бакунин, тогда и сами либералы испытают позже на себе новую вспышку репрессивного гнета со стороны царского правительства. Так оно

---

* Хоментовская А. И. Н. Г. Чернышевский и подпольная литература начала 60-х годов // Исторический архив. 1919. № 1. С. 324–413; Стеклов Ю. М. Н. Г. Чернышевский. Его жизнь и деятельность. М.; Л., 1928. Т. 1. С. 246–252.

** Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1957. Т. 1. С. 370.

*** ЦГАОР. Ф. 945. Долгоруков В. А. Оп. 1. Д. 111. Л. 9.

**** Там же. Л. 12.

и будет, поскольку самодержавие «при своей неспособности вести национальные дела разумным образом, впадает в необходимость держаться системы стеснений»*.

Вместе с тем М. А. Бакунин подчеркивал, что у демократического движения — свои собственные интересы и свое понимание патриотизма. «Если образованные классы почтут себя бессильными, не почувствуют в себе решимость обуздать правительство, и руководить им, — предостерегает он возможных партнеров по антикрепостническому альянсу, — тогда патриоты принуждены призвать народ на дело <...>»**. Словосочетание «народное дело», как известно, обозначает у М. А. Бакунина и других русских демократов-шестидесятников не что иное, как демократическую революцию «снизу».

К выводу об иллюзорном характере предстоящего «освобождения» и «великих реформ», в которые искренне верили многие деятели радикально-либеральной ориентации, М. А. Бакунин пришел, опираясь на личный опыт политического ссыльного, приобретенный в сибирские годы. У него были все основания не доверять царю-«освободителю», который без колебаний вычеркнул фамилию Бакунина из списка лиц, подлежащих амнистии, а впоследствии не разрешил ему выехать из Сибири в европейскую Россию. Но важнейшая причина недоверия иная. Об этом свидетельствует содержание цитировавшейся бакунинской прокламации «Великорусс». Реформа 1861 г. именуется в ней «обременительной переменою, которую правительство производит под именем освобождения»***. Позднее, в письме редакторам «Колокола» от 19 июля 1866 г. М. А. Бакунин возвратился к данному вопросу снова и повторил свою прежнюю оценку в тех же самых лексических оборотах. «<...> Освобождение было мнимое, — доказывал он А. И. Герцену. — Это было, ввиду грозивших смут и опасностей, не что иное, как перемена методы и системы в деле народного притеснения, помещицьи крестьяне превращены в государственных»****. С бакунинской точки зрения, «казенные» крестьяне эксплуатируются государством намного сильнее, чем все другие слои крепостного населения России. «Государственным крестьянам, — всегда считал М. А. Бакунин, — живется гораздо хуже, они подвергаются гораздо большему притеснению и ограблению, чем даже помещицьи крестьяне. Они управляются русскими чиновниками — этим сказано

---

* Там же. Л. 9, 12.

** Там же. Л. 12.

*** Там же.

**** *Бакунин М. А. Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву. С. 286.*

все»*. Будучи заинтересованной стороной, царская бюрократия, утверждал он, провела в 1861 г. не отмену крепостничества, а всего лишь его модификацию. «Место чиновника-помещика занял теперь чиновник-община, — разъясняет М. А. Бакунин социальный смысл этого псевдоморфоза, — а над общиной все казенное чиновничество, на место помещика община сделалась теперь в руках государства слепым, послушным орудием для управления крестьянами»**. Подмена осталась не замеченной и не понятой большинством русских «шестидесятников» XIX столетия. Только малочисленная группа демократов-разночинцев согласилась с жесткой бакунинской оценкой деятельности «царя-освободителя». Недаром Н. Г. Чернышевский сочувственно отнесся к идеям «Великорусса».

В «Письмах без адреса» он сообщал о «загадочном появлении программы, порицаемой одними, хвалимой другими, но принимаемой к сведению всеми <...>***. Мало кому известно, что из всех крупных деятелей русского общественного движения конца 1850 — начала 1860-х годов один лишь редактор «Современника» реально поддержал М. А. Бакунина в сибирском изгнании, выступив с резкой критикой карикатурной версии его биографии, растиражированной И. Тургеневым в повести «Рудин». Н. Г. Чернышевский справедливо упрекал писателя за «небезобидную попытку вместо портрета живого человека рисовать карикатуру, как будто лев годится для карикатуры»****. Ему был понятен истинный политический смысл тургеневской пародии: она способствовала дискредитации общественного авторитета М. А. Бакунина и, в его лице, всех тогдашних демократов России.

Отсутствие столь необходимой поддержки программе «Великорусса» со стороны абсолютного большинства русских либералов побудило М. А. Бакунина сделать иной социальный выбор. Отныне (с 1862 г.) он ориентировался в основном на молодую разночинную интеллигенцию, которую рассчитывал объединить и организовать в нелегально действующую централизованную революционную партию. Согласно бакунинскому проекту 1861–1862 гг. «на всем пространстве России должны быть учреждены отдельные кружки; каждый из пяти лиц, не более»*****. Всероссийская социально-революционная организация должна была, по его замыслу, сыграть

* Бакунин М. А. Собр. соч. и писем. Т. IV. С. 40.

** Бакунин М. А. Письма к А. И. Герцену и Н. П. Огарёву. С. 286.

*** Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. СПб., 1906. Т. IV. С. 281–282.

**** Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. СПб., 1907. Т. X. С. 306.

***** Пушкин Б. М. А. Бакунин по отчетам III Отделения // Красный архив. 1923, № 3. С. 200.

роль коллективного вождя народных масс во время радикальной антикрепостнической революции «снизу». Замечу особо, что разработанные и предлагаемые М. А. Бакуниным уставные принципы этой организации: централизм, жесткая дисциплина, подчинение меньшинства большинству, обязательная конспирация, боевые «пятёрки» и прочее нашли практическое применение сначала в «Земле и Воле» 1860–1870-х годов, и затем и в неонароднической партии социалистов-революционеров. Лидер большевиков, кстати, называл организацию бакунинского образца «превосходной» и видел в ней прототип всероссийской социал-демократической партии*.

Сибирский этап героической биографии великого русского революционера не был, конечно, полосой его идейной деградации. Синхронное совпадение этих лет жизни и деятельности М. А. Бакунина с переломной эпохой общенационального кризиса способствовало коренным изменениям в его политических взглядах. Преодолевая комплекс «кающегося дворянина», он эволюционировал на рубеже 1850–1860-х годов в сторону последовательно радикального демократизма. Отечественная «почва», на которой действовал М. А. Бакунин в Сибири, являлась важнейшим фактором, стимулировавшим процесс формирования у него таких ценных мировоззренческих качеств, как политический и социологический реализм. Исследуя общенациональные проблемы преимущественно на сибирском материале, он пришел к осознанию того факта, что в азиатской части России господствует крепостничество в специфически «казенной», государственно-бюрократической форме. Вывод этот являлся ключевым теоретическим достижением М. А. Бакунина 1850-х годов. Благодаря своему открытию он понял, что интегрированная в казенно-крепостнические структуры великорусская община с ее патриархальным уравнительным укладом не отвечает демократически идеалам. М. А. Бакунин преодолел утопическую веру в «спасительную миссию» общины в России в отличие от других теоретиков отечественной демократической мысли XIX–XX вв., продолжавших еще долгое время заблуждаться на этот счет. Так что доминирующая роль «сибирского», вернее, национального, фактора в эволюции его политических воззрений представляется бесспорной.

* Ленин В. И. Что делать? // Полн. собр. соч. Т. 6. С. 134–135.